

ЕВГЕНИЙ ГАРШИН

ПИСЬМО К Ф. М.
ДОСТОЕВСКОМУ

Евгений Михайлович Гаршин

Письмо к Ф. М. Достоевскому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25261940

Аннотация

«Многоуважаемый Федор Михайлович! Я не имею чести Вас знать, но моя молодость и Ваши произведения побуждают меня относиться к Вам не как к чужому человеку, и потому я осмеливаюсь беспокоить Вас своим письмом...»

Евгений Гаршин

Письмо к Ф. М. Достоевскому

8 ноября 1880 г. Харьков

Многоуважаемый
Федор Михайлович!

Я не имею чести Вас знать, но моя молодость и Ваши произведения побуждают меня относиться к Вам не как к чужому человеку, и потому я осмеливаюсь беспокоить Вас своим письмом.

В данный момент я обладаю таким фактом, который считаю своим долгом довести до Вашего сведения по двум причинам: 1) в будущем году Вы предпринимаете издание «Дневника», а 2) в вышедших до сих пор NoNo «Дневника», в «Братьях Карамазовых» Вы не раз до корня затрагивали жгучий вопрос отношений отцов и детей.

Изложение будет несколько дубоватым, но я не писатель.

Но прежде еще несколько слов о том, кто я сам таков. Вероисповедания православного (в Бога верю); мои занятия – студент-филолог, мое социальное положение – мыслящий пролетарий, но никогда не голодаю благодаря своей работе, а потому не озлоблен. Еще забыл сказать, что я дворянин.

Теперь к делу.

Семь лет тому назад, еще в 3-м классе гимназии, я встречал одного помещика. Тогда он был притчей во языцех всего нашего уезда благодаря следующему обстоятельству. Было у него 4 сына. 3-х старших он определил в Катковский лицей, но для сокращения расходов он вошел с Катковым в такое соглашение: помещик уплатил единовременно Каткову 10 000 р., а Катков должен обучить всех 3-х сыновей помещика. Сынки тогда уже подавали надежды: отец с восторгом хвалился, что старший за 3 месяца получил 48 замечаний.

Через год я перешел в гимназию в Харьков, а помещика потерял из виду, но, не совсем равнодушный к «дыму отечества», я, встречая приезжих из своего уезда, не мог удержаться, чтобы не расспросить о всех земляках. Спрашивал и про помещика, и про фокус его с детьми. Биографические данные об отце (в уезде он у нас человек новый, на неведомые деньги купил имение) мне рекомендовали почерпнуть в мемуарах кн. Голицына, который шатался когда-то с русским хором; там-де упоминается какая-то романическая история и скверная в ней роль (кажется, подставного мужа) какого-то армяшки.

Фокус с детьми не удался помещику. Ни один не кончил курса; всех Катков года через 2-3 выгнал, а деньги оставил себе. Теперь помещик просит даже не напоминать об этом.

Немного погодя слышу о таком уже бесстыдстве. Помещик с восторгом и публично рассказывает, что его старший

сын, уже юнкер какого-то полка, у богатой барыни на содержании. 4-й и самый младший сын помещика (из-за него-то и письмо мое к Вам) от раннего детства оказался невероятно способным к музыке; с 9 лет он ученик Николая Григорьевича Рубинштейна, ученик первый и любимый. От товарищей его по Московской консерватории я слышал о своем земляке (лично мне неизвестном) такой отзыв: это прелестный мальчик, с нежно-аристократической манерой и наружностью; способности колоссальные, играет не хуже самого Рубинштейна (это в 17 лет!); но застенчив и скромн.

Сегодня встречаю помещика; идет он в губернское земское собрание как гласный. Цветущ, весел, имения еще не промотал, умеренно-либерален, одним словом, восторг, а не помещик. После обычного при встречах разговора спрашиваю я помещика про сына-артиста. «— О, он прекрасно идет. Я только что из Москвы. На последнем симфоническом собрании один исполнитель заболел. Николай Григорьевич экспромтом выводит моего сына. Он блистательно играет, публика неистово аплодирует, Николай Григорьевич выходит вместе с ним, обнимает и целует его. Потом снял с себя золотые запонки, подарил ему и говорит: „Ты так меня восхитил сегодня, так, что я повезу тебя ужинать в „Эрмитаж“ и к девкам“. Представьте себе, повез его в „Эрмитаж“, накатил (?) хорошенько и запер с девкой в номер. „— Папа, — говорит мне потом сын, — поздравь меня: я начал <1 нрзб.>, меня Николай Григорьевич благословил“. Но

ему, знаете, 17 лет», он такой невинный, я уверен, что он ничего [с де^вкой] там не сделал».

Все это рассказано было мне с восторгом и захлебыванием. Вместе с этим мы распростились. Только отшедши несколько шагов, я ощутил невероятную скверность, и, как всегда со мной от сильных впечатлений бывает, у меня стали ерошиться мои короткие волосы.

Мне кажется, что приведенный мной монолог не требует комментариев.

Подобные вещи надолго клином врезаются мне в голову и стоят передо мной кошмаром. Счастлив писатель, который отделяется от своих чертей, воспроизводя их в бессмертные типы.

За собой я не чувствую таланта даже настолько, чтобы сделать из этой темы обличительный рассказ. Вам же, уважаемый Федор Михайлович, нужно сделать где-нибудь подходя один художественный штрих, чтобы смешать с грязью этот гнусный комплот отцов-помещиков и Рубинштейнов, развращающих даровитую, богатую натуру.

Не написать Вам всего этого я не мог. Хорошо или дурно я сделал, написавши, – не знаю, а потому всем святым умоляю Вас, напишите хотя несколько строк по этому поводу Вашему усердному читателю и почитателю.

Всегда преданный и готовый к услугам

Евгений Гаршин.